

Илзе и Андриса Лиела сама судьба предназначила миру искусства. Мать — драматическая актриса, отец — ярчайшая звезда балета. Илзе и Андрис сразу по окончании Московского хореографического училища ступили на подмостки Большого. В репертуаре Илзе — Мерседес в «Дон Кихоте», Зальма в «Корсаре», синьора Капулетти в «Ромео и Джульетте»

Илзе

ЛИЕЛА:

Встр. клуб. - 1993. - 25 стр. - с. 7

«Я постоянно ощущаю пристальный взгляд отца»

— Илзе, вы, по крайней мере внешне, соответствуете стереотипному представлению о белокурой северянке. Откуда же восточный крен в репертуаре?

— Вообще-то мой репертуар не исчерпывается амплуа «восточной женщины», хотя мне действительно по душе необычная хореография. В балете «восточные» образы, как правило, создаются ярким пластическим рисунком и своеобразными музыкальными средствами. Но я с удовольствием берусь за сочинения самых разных манер и жанров. Танцую хореографию Ролана Пети, Джона Ноймайера, Бориса Эйфмана, Михаила Фокина, Владимира Васильева...

— Выстраивая образ, вы «идете от себя» или перевоплощаетесь?

— Чаще все-таки выражаю себя. Проникаю в чувства персонажа порой не столько разумом, сколько интуитивно. Бывает, выстроили номер до нюансов, но ощущения, что он во плоти, — нет. Жизнь идет, занимаешься будничными делами, а где-то в подсознании продолжается работа над образом. И в один прекрасный момент приходит озарение.

— Когда танцуете, вы замечаете публику, ощущаете ее присутствие?

— Зал мне со сцены не виден. Лишь раз я встретила взглядом со зрителем, то был взгляд моего отца. На всероссийском конкурсе балетмейстеров я танцевала «Медю», номер, поставленный Татьяной Сердюковой, а отец «болел» за меня в зрительном зале... В творческих поисках, да и просто в момент работы на сцене постоянно ощущаю незримое присутствие отца, этот его соперничающий, пристальный взгляд. Чем сложнее роли, тем острее чувствую, что мне не хватает его помощи, его подсказки.

— Ваш отец много занимался с вами?

— Когда мы с Андрисом учились в хореографическом, отец еще танцевал в Большом, и у него практически не было времени заниматься с нами всерьез. Он был безжалостен к себе, все отдавая балету. Репетировал ли что-то новое, готовился ли к премьере, к очередному спектаклю — вся жизнь в доме подчинялась этому процессу. Нельзя было шумно играть, возиться, бегать... Перед его уходом в театр и вовсе лучше было не по-

падаться на глаза, потому что он уже пребывал в ином мире и вторжение в этот мир воспринимал более чем болезненно. Отец был легко подвержен влиянию минуты, его настроение зависело подчас от мимолетного жеста. Очень добрый по натуре, он мог вспылить. Но в хорошем настроении был неотразим... Гримировался сам и не любил, чтобы при этом присутствовали: «Не смотри под руку».

— А каким вы его видели вне работы?

— Компанейский, очаровательный, «шармёр», есть такое редко звучащее у нас французское слово, означающее — «мужчина с шармом». Отец умел быть радушным, красивым, шикарным. Был щедр на огромные букеты цветов.

— Вы чувствовали необычность вашей семьи?

— Конечно. Рецензии, часто восторженные, гастрольные поездки... Родители дружили с людьми известными, с замечательными художниками... Отец был очень неравнодушен к изящным, совершенным вещам. Мою комнату он украсил гравюрами — сцены из балетов. Выбирал привередливо, подолгу примеривался, как лучше расположить. «Прсыпаясь, ребенок должен видеть только красивые»...

— А танцевать с Марисом Лиелой вам приходилось?

— Увы, лишь однажды. Пригласили его на какой-то правительственный концерт в Ереван, и он с ходу, без репетиций, «прихватил» меня в партнерши. Танцевали болеро из «Дон Кихота». Партнер он был фантастический.

— Насколько известно, вы с братом восстанавливали балеты Михаила Фокина «Жарптица», «Петрушка», «Шехерзада».

— Этот проект осуществлялся под эгидой «Дягилев-центра». Я-то была больше помощник и исполнитель, а первую скрипку играл Андрис. Он рылся в питерских библиотеках, отыскивал документы, записи, рисунки, эскизы костюмов и декораций. Консультировала его внучка Михаила Фокина Изабелла, живущая в Америке. Требовалось восстановить не только пластику, но и стиль, дух балетов, раскрыть идеи композитора и хореографа...

Премьеру танцевали в Большом. Публика встретила постановку восторженно. Но представлением на сцене дело не ограничилось, Андрис взялся снять художественный фильм по мотивам балетов.

— Как находите брата в новой роли?

— Как профессионалу я ему доверяю больше, чем кому-либо. У него отличное чувство позы, стиля, замечания всегда точные. Мне они помогли найти верную интонацию, раскрыть свой образ.

— Илзе, вы ведь много снимались в кино?

— Ну не так много. Главная роль в фильме «Блестящий мир», играла в «Бэмби» Натали Бондарчук, в «Лермонтове» Николая Бурляева, многосерийном телевизионном фильме «Михайло Ломоносов».

— Не было ощущения оставить балет ради кино, как в свое время Людмила Савельева?

— Пока нет. Во всяком случае балет мне сейчас интереснее, здесь я чувствую себя в своей стихии. Я отдаю себе отчет, что век балерины недолог, когда-то придется искать себе новое приложение. Я еще не могу точно сказать, какой окажется моя ниша, не думала об этом.

— Однако в телесериале в роли жены Михайло Ломоносова вы вовсе не выглядели дилетанткой.

— Спасибо. Я рада, если роль действительно получилась, потому что стоила она мне не так уж дешево. Работать на съемочной площадке было трудно, хотя невероятно увлекательно. Особенно над той частью фильма, где мой персонаж — дама в возрасте. Как раз тот случай, когда нужно было перевоплощаться, показывать то, что тебе пока не свойственно и малопомнят.

— Какое выступление на сцене вам памятно больше других?

— «Кармен-сюита» в Тбилисском театре оперы и балета. В Грузии уже шла война. Одно дело — читать газеты и смотреть теле-репортажи о кровавых событиях, но совсем иное, когда они так или иначе касаются близких тебе людей. В Грузии у меня много друзей и знакомых, мы учились хореографии с Ниной Ананишвили и на каникулы вместе ездили отдыхать в Тбилиси. Видеть, как Грузия, край высочайшей культуры, разрушается, приходит в упадок, как распадаются семьи и уезжают за рубеж ученые, артисты, художники, — необычайно больно.

В городе действовал комендантский час, я думала, что публика не соберется. Но зал был полон.

— У вас в репертуаре — «Лебедь» Сен-Санса. Эта миниатюра была «визитной карточкой» Майи Плисецкой, для многих она — эталон. Не страшно было браться за такую роль?

— Страшно. Но я бралась не для того, чтобы соперничать. Долго сопротивлялась, а друзья уговаривали отважиться. Фактически меня просто заставил взяться за работу муж! К тому же я вспомнила, что отец восхищался интерпретацией знаменитой французенки Иветт Шовире. Обнаружила дома видеозаписи и поняла, что надо показать не трагедию гибели, а торжество жизнелюбия. Пусть зритель плачет, но этот лебедь умирает непобежденным... Танец мне в Париже помогла готовить сама Иветт Шовире.

— А как появился необычный номер «Аргентинское танго»?

— Идея пришла во время гастролей в Аргентине. Мы с Андрисом увидели настоящее танго в исполнении профессионалов. Мы буквально заболели этим танго. Познакомились с танцором Педро Бенавенте, пригласили его в Москву и втроем сделали номер: клип сняли с компанией «Арт-Пикчерс». Снимал Федор Бондарчук.

— Вы много поездили по свету?

— В Европе не была только в Испании, где, кстати, сейчас на гастролях мой муж.

— Кто он, если не секрет?

— Скрипач Сергей Стадлер, лауреат международного конкурса имени Чайковского 1982 года.

— Как у вас быт — не заедает?

— Заедает! Если б не мама... Поражаюсь, как ей удается всю жизнь нести эту ношу. Она ведь актриса, играла в Театре имени Пушкина (сценическая фамилия — Жигунова). Она у нас молодая красивая женщина, но взвалила на себя все наши бытовые заботы...

Гостью принимала Любовь ГАМОВА.

Фото Виктора АХЛОМОВА.